

Бадмаев Булат Бадмаевич

МОНГОЛЬСКАЯ СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА: "СЕМЬ ПОКОЛЕНИЙ ОТЦА"

Статья посвящена исследованию монгольской системы терминов родства, определению в ней семи поколений отца. Данный концепт представляет собой универсальную категорию, интегрирующую в высоком уровне межпоколенной связи многие признаки межгрупповых и межличностных отношений, выстраивает в иерархической последовательности номенклатуру родства в семи восходящих и нисходящих патрилинейных и патриколлатеральных поколениях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 72-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Использование в сообщении предикатов речи, соответствующих ведущей репрезентативной модальности адресата, позволяет достигнуть определенной степени доверия и взаимопонимания, поскольку он непосредственным образом более восприимчив к предикатам, стимулирующим его приоритетную систему представлений.

Если речь идет о коммуникации с аудиторией, то при выстраивании сообщения часто применяется полимодальность, ориентированная одновременно на несколько репрезентативных систем, так как аудитория состоит из индивидов, предпочитающих разные модальности:

We see the consequences of their behavior, we understand the reasons, we hear the ideas how to deal with it [5]. / Мы видим последствия их поведения, мы понимаем причины, мы слышим идеи о том, как с этим бороться. (Перевод автора статьи – Т. А.)

Приведенный пример иллюстрирует использование глаголов зрительного «see», слухового «hear» восприятия в сочетании с глаголом «understand», обозначающим ментальную деятельность.

То, что репрезентативные системы существуют наряду с первичными модальностями, не вызывает сомнения, однако нельзя с уверенностью говорить о безошибочности работы существующих методов выявления ведущей модальности. Является ли ведущая модальность постоянной и устойчивой или она подвержена изменениям? Насколько надежны результаты измерения ведущей модальности? Ответы на данные вопросы при существующих научных методах остаются в настоящее время неизученными.

Список источников

1. Бэндлер Р., Гриндер Д. Структура магии [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/bandler_richard/struktura_magii_v_2_h_tomah.html (дата обращения: 08.06.2017).
2. Дилтс Р. Изменение убеждений с помощью НЛП. М., 1997. 314 с.
3. Дилтс Р. Моделирование с помощью НЛП. СПб., 2010. 288 с.
4. Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи. СПб.: ПИТЕР, 2008. 672 с.
5. *Imagemaking and Psychotechnologies of Leadership*. Berlin: IPLA Academy, 2014. 130 p.

REPRESENTATION OF THE FUNCTIONING OF A REPRESENTATIVE SYSTEM IN COMMUNICATION

Askerova Tutu Aiyarovna

Saint-Petersburg State University of Economics

Tutu.Askerova@gmail.com

Representative system is a multidimensional phenomenon that requires a comprehensive study. Brain activity and language processes are inseparably linked with it, which are, on the one hand, the representation of the features of the functioning of the system of ideas, and on the other hand, an instrument through which one can influence the style of functioning of this system. In this connection, the question of the modality and multimodality of the speech message is also relevant and requires attention. In this article, we will try to consider in a comprehensive way the issues connected with the above-mentioned phenomena from the point of view of linguistics, neuro- and psycholinguistics.

Key words and phrases: representative system; system of ideas; representative channel; predicates of speech; modality; polymodality.

УДК 8; 81.2

Статья посвящена исследованию монгольской системы терминов родства, определению в ней семи поколений отца. Данный концепт представляет собой универсальную категорию, интегрирующую в высоком уровне межпоколенной связи многие признаки межгрупповых и межличностных отношений, выстраивает в иерархической последовательности номенклатуру родства в семи восходящих и нисходящих патрилинейных и патриколлатеральных поколениях.

Ключевые слова и фразы: монгольская система терминов родства; бифуркативность и линейность; патрилинейность и патрилатеральность; прямая и коллатеральные линии; категориальные признаки семи поколений; номенклатура родства восходящих и нисходящих поколений.

Бадмаев Булат Бадмаевич, к. филол. н., доцент

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Bulat-67@mail.ru

МОНГОЛЬСКАЯ СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА: «СЕМЬ ПОКОЛЕНИЙ ОТЦА»

Современная монгольская система терминов родства (монг. *ураг төрлийн нэр томъёоны эмх журам*) со своими многочисленными вариациями, трансформациями и новообразованиями, расширяющими саму категорию далеко за рамки естественной генетической близости людей, представляет собой довольно сложный тип номенклатуры родства. Такой тип всё ещё соотносится с классической бифуркативно-линейной системой терминов, максимально учитывает степень родства и отождествляется с самой системой кровного (эталонного) родства монголов. Основными структурообразующими принципами данной системы являются, как правило, бифуркативность и линейность. Именно они позволяют дифференцировать и/или интегрировать родственников конкретного эго как по сторонам его отца (монг. *эцгийн талын төрөл* или *ясан төрөл*, т.е. патрилатеральное

родство или родство по кости) и матери (монг. *эхийн талын төрөл* или *цусан төрөл*, т.е. матрилиатеральное родство или родство по крови/плоти), так и по прямой (монг. *шууд залгамжилсан төрөл*) и коллатеральным (монг. *хажуу талын залгамжилсан төрөл*) линиям родства «в двух основных поколениях – первом восходящем (поколении родителей) и нулевом (поколении эго)» [6, с. 899]. При этом, согласно четырёхчастной типологии систем терминов кровного родства, коллатеральные линии в поколении родителей различаются между собой и отличаются от прямой линии в силу индивидуализации самой системы монгольского родства.

Отличительной особенностью монгольской системы терминов родства является то, что она в своих универсальных формах референции и вокатива остаётся сугубо эгоцентричной и, соответственно, традиционно изучается с позиции индивидуальной парадигмы, так сказать, в субъективной перспективе. Вследствие чего эго в номенклатуре терминов обозначения родственных отношений и терминов прямого обращения выступает своеобразной нулевой точкой отсчёта, следовательно, в составлении того или иного генеалогического древа чаще всего выступает в роли пропозита, нежели пробанда. Более того, бифуркативность и линейность в монгольской системе терминов наиболее отчётливо прослеживаются именно в семи восходящих и нисходящих поколениях (поколенческих группах), как по прямой, так и по коллатеральным линиям родства. Таким образом, семь поколений (монг. *долоон үе*) эго по мужской линии становится той самой универсальной категорией, реализующей межпоколенную связь энергоинформационного обмена, в которой, как принято считать, ментально сохраняются и передаются родовая память и сознание семи тел – семи «Я».

Вообще число «семь» для монголов, равно как и для многих других народов, является определённой мерой самых разных вещей, неким критерием, на основании которого принимаются и/или реализуются многие ценностные принципы. Всё это подтверждается живым бытованием многочисленных монгольских афористических выражений. Так, к примеру, в устной и письменной речи современных монголов до сих пор активно используются следующие известные выражения: «Долоо дахиад доройтовч найм дахьдаа сэхнэ» (букв. «Упади семь раз, но встань восьмой раз») (*здесь и далее перевод автора статьи – Б. Б.*), «Дордохын долоо, наашлахын найм» (букв. «Неудачи – семь, удачи – восемь»), «Долоон тоотой юм бүхэн доройтох, найм тоотой юм бүхэн нааштай байх» [4, х. 404] (букв. «Безуспешно все с числом семь, успешно – с числом восемь») и т.д. Следует особо отметить, что, согласно генеалогической традиции устных предписаний и запретов, относимых к обычному праву монголов, равно как и «родовым законам» многих современных народов мира, категорически запрещался брак между кровными родственниками до седьмого поколения, т.е. между родными (монг. *төрсөн ах, эгч, дүү*), двоюродными (монг. *үеэл ах, эгч, дүү*), троюродными (монг. *хаяал ах, эгч, дүү*), четверюродными (монг. *үе ах, эгч, дүү*), пятиюродными (монг. *хая ах, эгч, дүү*), шестиюродными (монг. *үенцэр ах, эгч, дүү*) и семиюродными (монг. *хаянцир ах, эгч, дүү*) братьями и сёстрами, хотя ближнее родство каждого из них определялось линией и степенью родства именно в трёх ближайших поколениях. Нарушение такого закона до сих пор расценивается как самый большой родовой грех.

При рассмотрении категориальных признаков семи поколений эго в монгольской системе родства и системе терминов родства обнаруживается ещё один немаловажный момент. Если позиционировать данные поколения как полноценный гештальт (Gestalt), то функцию внешней границы-контакт («frontier-contact») сегодня неизменно выполняют отец и мать эго (монг. *эцэг, эх*): «“ясан” төрлийн гол зангилгаа нь эцэг, “цусан” төрлийн эх юм» [Там же, х. 834] (букв. «основной узел родства по кости – отец, а родства по крови/плоти – мать»). Однако, как показывают наши полевые материалы, традиционно данную функцию в большей степени всё же выполняет родитель (монг. *эцэг или аав*) самого эго, хотя это, как нам представляется, несколько не может умалять роль и статус монгольской женщины (супруги, матери, бабушки, тёщи, свекрови и т.д.) в семье, в роду, в современном обществе. Именно поэтому в лингвистической номенклатуре кровного родства современных монголов особо актуализируется такая специфическая категория как «семь поколений отца» (монг. «*эцгийн долоон үе*»), интегрирующая в высоком уровне межпоколенной связи многие признаки межгрупповых и межличностных отношений. В такой «сугубо мужской» организации межпоколенной связи чаще всего выделяется и обобщается родство от потомков к предкам, идентифицируемое как «семь восходящих поколений отца» (монг. «*эцгийн дээд долоон үе*»), и родство от предков к потомкам, называемое как «семь нисходящих поколений отца» (монг. «*эцгийн доод долоон үе*) или «*эцгээс доошхи долоон үе*). В традиции письменного составления монгольского генеалогического древа (монг. *гэрийн үеийн бичиг*) первое, вероятнее всего, могло служить основой составления родословной записи «үеийн бичиг» (букв. «запись поколений»): «*Уу-ун бичиг*» интересуются вопросом, отмеченным ещё Рашид-ад-дином о “происхождении предков и дедов своих”: кто был родоначальником, от кого повелись существующие потомки» [7, р. 206]. Второе же, как нам видится, больше соотносится с известной родовой записью «удам судар» (букв. «писание предков»): «*удум судар*» интересуются вопросом, так сказать, с другого конца – есть ли у предков ныне потомки, кто есть в данном случае потомок по нисходящей от предка линии» [Ibidem]. Таким образом, следует особо отметить, что категория «эцгийн долоон үе» отражает, прежде всего, восходящие и нисходящие поколения прямой мужской линии родства и полностью исключает его коллатеральные линии (монг. *эцгийн хажуу талын долоон үе*).

Что касается самих терминов концепта «эцгийн дээд долоон үе» (букв. «семь восходящих поколений отца»), то о них говорится следующее: «өөрөөсөө дээшээгээ бол аавыг эцэг, аавын аавыг өвөг эцэг, өвөг эцгийн аавыг өндөр эцэг, өндөр эцгийн аавыг элэнц, элэнцийн аавыг элэнц өвөг, элэнц өвгийн аавыг хуланц, хуланцын аавыг хуланц өвөг гэнэ» [3, х. 127] (букв. «по восходящей от себя прямой линии отца называют эцэг, отца эцэг – өвөг эцэг, отца өвөг эцэг – өндөр эцэг, отца өндөр эцэг – элэнц, отца элэнц – элэнц өвөг, отца элэнц өвөг – хуланц, отца хуланц – хуланц өвөг»). По всей вероятности, в данном тексте допущена терминологическая путаница из-за семантической близости лексических единиц «эцэг» (букв. «отец»), «өвөг» (букв. «дед»), «өвөг эцэг» (в значении отец отца) в межпоколенной мужской кровнородственной связи

монголов. Ибо термин «эцэг» или «өвөг», наделённый дополнительным смыслом и коннотацией слова «өндөр», просто априори не может обозначать статус прадедушки в семи восходящих поколениях отца. Ещё Б. Я. Владимирцов, опираясь на «Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина, отмечал следующий интересный момент: «Монгольский род был агнатным, т.е. члены каждого рода вели своё происхождение от одного общего предка (ebüge). Но так как роды росли и разветвлялись, то оказывалось, что ряд родов (оbox) вёл своё происхождение от одного и того же ebüge – предка...» [2, с. 341]. Действительно, в отличие от тотемных первопредков мифологического золотого времени первотворения, константно сохраняющих свой зооморфный/зооантропоморфный облик и в более позднее время, и первых пра-родителей небесного происхождения, почти все предки эмпирического времени обозначались универсальным термином «өвөг». Об этом говорится и в летописи «Сокровенное сказание монголов», где основные предки монгольских родов и племён фигурируют в образе реальных исторических родоначальников: «Жадараны өвөг» (букв. «родоначальник чжадаранцев») [5, х. 30], «Баарины өвөг» (букв. «родоначальник баринцев») [Там же, х. 31], «Жаурьтын өвөг» (букв. «родоначальник чжоуредцев») [Там же] и т.д. Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что термин «өвөг» в значении «өвөг эцэг» может подразумевать, прежде всего, *эцгийн эцэг*, термин «элэнц өвөг» – *элэнцгийн эцэг* (т.е. *элэнц эцгийн эцэг*), «хуланц өвөг» – *хуланцгийн эцэг* (т.е. *хуланц эцгийн эцэг*), «өндөр өвөг эцэг» – *хуланц өвгийн өвөг эцэг*. Таким образом, номенклатура родства монгольских «семи восходящих поколений отца» последовательно включает такие термины как «эцэг» (в значении слова «отец») → «өвөг эцэг» (в значении слова «дед») → «элэнц» (в значении слова «прадед») → «элэнц өвөг» (в значении слова «прапрадед») → «хуланц» (в значении слова «пращур») → «хуланц өвөг» (в значении слова «прапращур») → «өндөр өвөг эцэг» (в значении слова «родоначальник»). Как показывают наши данные, в бурятской номенклатуре родства данные термины, как правило, выстраиваются в следующей иерархической последовательности: «эсэгэ» («отец») → «үбгэн эсэгэ» (букв. «старый отец», «отец отца», т.е. «дед») → «элинсэг эсэгэ» («отец деда», т.е. «прадед») → «элинсэг үбгэн (эсэгэ)» («дед деда», т.е. «прапрадед») → «хулинсаг эсэгэ» («отец прадеда», т.е. «пращур») → «хулинсаг үбгэн (эсэгэ)» («дед прадеда», т.е. «прапращур») → «угай үндэр үбгэн (эсэгэ)» («отец рода», т.е. «родоначальник»).

Если вышеперечисленные номенклатурные термины сопоставить с русскими терминами кровного родства, то монгольский термин «эцэг» (монг. «*аав*», «*биеийг үүтгэсэн эрэгтэй хүн*») по своему лексическому значению соотносится с термином «отец» («папа»), которым обычно обозначают родителя эго, т.е. мужчину по отношению к его детям. Следовательно, второй термин «өвөг эцэг» (эцгийн эцэг) соответствует термину «дед» («дедушка»), обозначает мужчину по отношению к детям родного сына (= отца родного отца; = мужа бабушки). Третий термин «элэнц» («элэнц эцэг», *өвөг эцгийн эцэг*) соответствует термину «прадед» («прадедушка»), обозначает мужчину по отношению к детям внука (= отца деда; = деда родителя эго). Четвёртый термин «элэнц өвөг» (элэнц эцгийн эцэг) соответствует термину «прапрадед» (прапрародитель), обозначает отца прадеда эго. Пятый термин «хуланц» («хуланц эцэг», *элэнц өвгийн эцэг*) соответствует термину «пращур», обозначает родителя прапрадеда эго. Шестой термин «хуланц өвөг» (хуланц эцгийн эцэг) соответствует термину «прапращур», обозначает родителя пращура. И седьмой термин «өндөр өвөг эцэг» (хуланц өвгийн эцэг) соответствует термину «прапрапращур», обозначает родителя прапращура.

Следует особо отметить, что некоторые монгольские термины «семи восходящих поколений отца» могут варьироваться. Так, например, в отдельных аймаках современной Монголии отца прапрадеда (т.е. *элэнц өвөг*) эго часто называют просто *элэнц өвөг*, в свою очередь, отца уже *элэнц өвөг* в терминологическом плане идентифицирует как *холбоо өвөг*. Соответственно, отца прапращура (т.е. *хуланц өвөг*) могут называть *хуланц өвөг*, а уже его отца – *өндөр өвөг*. Также нами зафиксирован термин «өвөг дээдэс», обозначающий, как правило, первого известного по родословной представителя, от которого берёт начало род и ведётся родословие: «яс махны төрөл угсааг үүсгэсэн дээд үеийн хүнийг хэлнэ» [4, х. 835].

Что касается «семи нисходящих поколений отца» (монг. «*эцгээс доохи долоон үе*»), то этому концепту тоже даётся своя определённая характеристика, раскрывающая межпоколенную связь кровных родственников по нисходящей мужской линии: «намайг эцэг маань хүү, миний хүүг ач, ачийн хүүг гуч, гучийн хүүг жич, жичийн хүүг ачанцар, ачанцарын хүүг гучинцар, гучинцарын хүүг жичинцэр гэнэ» [3, х. 128] (букв. «по нисходящей прямой линии отец называет меня хүү, моего сына – ач, сына ач – гуч, сына гуч – жич, сына жич – ачанцар, сына ачанцар – гучинцар, сына гучинцар – жичинцэр»). Таким образом, если принять само поколение эго в качестве нулевого, то цепочка терминов семи нисходящих мужских поколений отца выстраивается по прямой линии следующим образом: 1) «хүү» (букв. «сын»); 2) «ач» (букв. «внук»); 3) «гуч» (букв. «правнук»); 4) «жич» (букв. «праправнук»); 5) «ачанцар» (досл. «внука правнук»); 6) «гучинцар» (букв. «правнука правнук»); 7) «жичинцэр» (букв. «праправнука правнук»). Следует здесь в обязательном порядке отметить, что отдельные монгольские термины «семи нисходящих поколений отца» могут также варьироваться, как и термины «семи восходящих поколений отца». Так, например, внука эго нередко могут обозначать термином «омбол», правнука – терминами «жич», «томбол» или «тумбал», праправнука – наоборот термином «гуч» (*жич хүүгийн хүүг гуч хүү гэнэ*, т.е. «сына жич называют гуч»), сына праправнука эго – термином «жичинцэр» (*гучаас төрсөн хүүг жичинцэр хүү гэнэ*, т.е. «сына, рожденного от гуч, называют жичинцэр»), соответственно, внука праправнука эго – термином «гучинцар» (*жичинцэр хүүгийн хүүг гучинцар хүү гэнэ*, т.е. «сына жичинцэр называют гучинцар»), правнука уже праправнука эго – термином «жичүй хүү» (*гучинцар хүүгийн хүүг жичүй хүү гэнэ*, т.е. «сына гучинцар называют жичүй хүү»), сына *жичүй хүү* – термином «жилийхүй хүү» (*жичүй хүүгээс төрсөн хүүг жилийхүй хүү гэнэ*, т.е. «сына жичүй хүү называют жилийхүй хүү»), а его внука – термином «талиихүй хүү» (*жилийхүй хүүгээс төрсөн хүүг талийхүй хүү гэнэ*, т.е. «сына, рожденного от жилийхүй хүү, называют талийхүй хүү») [4, х. 836].

Если в качестве сравнительного материала привести бурятскую номенклатуру кровного родства, то данные терминологические единицы располагаются в несколько ином порядке: «хүбүүн» («сын») → «аша» («внук») → «гуша» («правнук») → «дүшэ» («праправнук») → «таша» или «таби» (референтивное обозначение сына дүшэ) → «жэшэ» (референтивное обозначение сына таша) → «тали» (референтивное обозначение сына жэшэ). Лексически наиболее близко совпадают с монгольской номенклатурой три первых терминологических позиции: «хүбүүн» (сын, т.е. мальчик/мужчина по отношению к своим родителям.); «аша» (внук, т.е. мальчик/мужчина по отношению к бабушке и дедушке = сын сына) и «гуша» (правнук, т.е. мальчик/мужчина по отношению к прадедушке и прабабушке = сын внука = внук сына). Следует особо отметить, что в бурятской генеалогической традиции *дүшэ* (праправнук) часто становится в жизни эго неким порогом, гранью межпоколенной связи кровных родственников: «дүшэ хараха, дүүрэн жаргал эдлэхэ» (букв. «увидеть праправнука – достигнуть полного счастья»); «гушын саашанхи үенүүд эсэгын сээртэй нахан мүн» (букв. «следующие за правнуком поколения – отца запретный возраст»); «жэшээ хараа хаа, малгайгаар шэдэхэ» (букв. «увидел своего жэшэ, закидай шапкой») и т.д. [1, х. 15]. Потому буряты, следуя, возможно, генеалогическому закону «на сто лет падает деятельность трёх поколений», обычно говорят, что «аша амтатай» (букв. «внук сладок»), «гушая хараха гээшэ үтэлхэ наһандаа хүрэхэ» (букв. «увидеть своих правнуков – достигнуть преклонного возраста») [Там же].

Таким образом, следует заключить, что в монгольской номенклатуре родства наиболее важными различительными признаками категории «эцгийн долоон үе» являются, во-первых, межпоколенная связь семи восходящих и семи нисходящих поколений отца эго, во-вторых, прямая линия родства эго и отсутствие его коллатеральных линий, в-третьих, наличие в качестве стержневой основы полной эталонной мужской линии родства.

Безусловно, многие частные (семейные, родовые) филогенетические древа современных монголов уходят своими корнями вглубь «неясного времени», имеют архаичные исходные модели, соотносятся с официальной генеалогией великих монгольских ханов. Однако категория «эцгийн долоон үе» по восходящей и нисходящей линии в терминологическом обозначении охватывает в идеале всего 15 кровнородственных поколений, включая исходное нулевое поколение самого эго. Из них только семь поколений отца каждый раз постоянно находятся в межпоколенной связи энергоинформационного обмена (взаимообмена) в конкретном эго. Кстати говоря, в действительности «говорящее лицо» в своей жизни имеет возможность напрямую межпоколенно общаться с разными вариациями в среднем всего лишь с 4-6 поколениями кровных родственников. Чаще всего эго в межпоколенном общении находится по восходящей мужской линии со своим отцом, дедом, а по нисходящей – со своим сыном и внуком. Промежуток времени между рождением отца и сына, который общепринято называть длиной поколения, статистически лишь в относительной степени коррелируется с генеалогическим законом «На сто лет падает деятельность трёх поколений» и составляет в среднем 25 (24,5) лет, хотя существует заметная разница в возрасте между отцом и ребёнком, матерью и ребёнком. Исходя из этого, можно предположить, что в современной монгольской системе родства и системе терминов родства «эцгийн долоон үе» абсолютная хронология ограничена примерно второй половиной XVII в., что в них закодированы сведения, отражающие семейно-родовую историю в среднем за 375 лет, и что эта история имеет своё дальнейшее продолжение, «открытый финал».

Список источников

1. **Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи** / согс. С. Д. Бабуев, Ц. Ц. Бальжинмаев. Улаан-Үдэ: «Бэлиг» хэвл., 2004. 352 х.
2. **Владимирцов Б. Я.** Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В. М. Алпатов и др. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
3. **Монгол ёс заншлын бага тайлбар толь** / ред. Г. Чингэл. Улаанбаатар: Д. Сүхбаатарын нэрэмжит Улсын хэвл. үйлдвэр, 1990. 128 х.
4. **Монгол ёс заншлын их тайлбар толь. Тэргүүн боть** / ред. Г. Чингэл. Улаанбаатар: «Сүүлэнхүү» хүүхдийн хэвл. газар, 1992. 928 х.
5. **Монголын нууц товчоо. Хоёр дахь удаагийн хэвлэл** / хуучин монгол хэлнээс одоогийн монгол хэлээр Цэндийн Дамдинсүрэн орчуулав. Улаанбаатар: Д. Сүхбаатарын нэрэмжит Улсын хэвл. газар, 1957. 254 х.
6. **Народы и религии мира:** энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 2000. 928 с.
7. **Ринчен Б.** Об одной хори-бурятской родословной // Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. 1965. Т. XVIII. Fasc. 3. P. 205-225.

THE MONGOLIAN SYSTEM OF KINSHIP TERMS: “SEVEN GENERATIONS OF THE FATHER”

Badmaev Bulat Badmaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Buryat State University, Ulan-Ude
Bulat-67@mail.ru

The article is devoted to the study of the Mongolian system of kinship terms, and the identification of seven generations of the father in it. This concept is a universal category that integrates at the high level of intergenerational connection many features of intergroup and interpersonal relations, and builds in the hierarchical sequence the nomenclature of kinship in seven ascending and descending patrilineal and patrilateral generations.

Key words and phrases: Mongolian system of kinship terms; bifurcation and linearity; patrilineality and patrilaterality; straight and collateral lines; categorical features of seven generations; nomenclature of kinship of ascending and descending generations.